Жозеф Марметт

# Шарль и Эва



Жозеф Марметт

# Шарль и Эва

«Автор»
2026

**Марметт Ж.**

Шарль и Эва / Ж. Марметт — «Автор», 2026

Зима 1690 года. На границе французской Канады и английских поселений разгорается война, где опасность подстерегает и за крепостным частоколом, и в заснеженном лесу. Молодой дворянин Шарль Дюпюи отправляется в рискованный поход на Скенектади, не зная, что эта экспедиция изменит всю его жизнь. Среди огня и хаоса нападения он встречает Эву — девушку, чей дом оказался в самом сердце трагедии. Спасти её от гибели — лишь начало испытаний. Впереди отступление сквозь зимнюю глушь, засады, погони, голод и столкновение с опасным противником по прозвищу Рысь. Но куда труднее сохранить человечность там, где судьбы людей ломает война, и понять, чему можно доверять больше — долгу, приказу или своему сердцу.Жозеф Марметт соединяет историческую хронику с напряжённым приключением и историей любви, рождающейся наперекор страху и смерти.Оригинальное произведение является объектом общественного достояния.

© Марметт Ж., 2026
© Автор, 2026

# Жозеф Марметт
# Шарль и Эва

ЖОЗЕФ МАРМЕТТ
**ШАРЛЬ И ЭВА**
Исторический канадский роман
Перевод с французского языка
Основной источник: Монреаль, Les Éditions Lumen, 1945
**ОГЛАВЛЕНИЕ**
ВВЕДЕНИЕ
I. От Монреаля до Скенектади
II. Отправление
III. Рысь
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
I. Господин де Мантэ вынужден изменить свой первоначальный план
II. Эва
III. Шарль Дюпюи проявляет себя
IV. Что происходило в Скенектади в ночь на 8 февраля 1690 года
ВТОРАЯ ЧАСТЬ
I. Шарль и Эва — Отступление
II. Рысь за делом
III. Борьба
IV. На следующий день после боя
V. Голод
VI. Голод приводит к двум встречам
VII. Нашла коса на камень
VIII. О разных вещах
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
**ВВЕДЕНИЕ**
ГЛАВА ПЕРВАЯ
**ОТ МОНРЕАЛЯ ДО СКЕНЕКТАДИ**

В лето Господне 1690 года город Монреаль давал лишь весьма слабое представление о том, каким он стал в наши дни. Едва минуло сорок восемь лет с тех пор, как господин де Мезоннёв заложил его основание. Несколько сотен домов, большей частью довольно жалких на вид, стояли у подножия горы, которую в ту пору венчали вековые сосны.

Казалось, эти великолепные дети леса с гордостью и презрением взирали на бедные жилища колонистов, словно им самим не предстояло однажды пасть под ударами топора и уступить место зданиям более обширным и красивым, нежели те, что тогда стояли у подножия Мон-Руаяля.

В тот момент, когда начинается наш рассказ, стоял конец января 1690 года. День быстро уступал место ночи, обещавшей быть холодной. В пределах Виль-Мари царила полная тишина, и разбросанные там и сям жилища постепенно исчезали во мраке.

Несмотря на поздний час, двум запоздалым путникам только что отворили одни из ворот в частоколе, окружавшем молодой город и защищавшем его от нападений дикарей.

Оба принадлежали к отряду из тридцати вооружённых людей, прибывавших из Квебека и Труа-Ривьера и следовавших за ними в нескольких милях позади.

Первый из прибывших был совсем молодым человеком среднего роста, если судить по его живой, смелой походке и быстрому шагу. Надетая на нём шуба из шкуры бизона несколько

стесняла его движения, однако по его манерам всё же нетрудно было распознать человека благородного происхождения, словом, дворянина.

Густые каштановые волосы венчают высокий лоб, под которым сверкают чёрные глаза, полные огня и ума. Над губами, выражающими благородную гордость, пробиваются ещё совсем юные усики. На его лице читаются прямодушие, величие души и отвага. Ему можно дать двадцать один год. На боку у него висит шпага, конец ножен которой выступает из-под зимней одежды, а за поясом виднеется пара пистолетов.

Он благородного происхождения, родился в этой стране, и зовут его Шарль Куйяр Дюпюи. Он прибыл из Квебека, где оставил свою семью, узнав, что в Монреале собираются организовать экспедицию против Нью-Йорка. С детства привыкший к тяготам лесной жизни и лишениям, которые в те времена сопутствовали существованию колониста в Канаде, он решил присоединиться к небольшому отряду, готовящемуся выступить под начальством господ д'Айбу де Мантэ и Ле Муана де Сент-Элена.

Его спутник, на целую голову выше его, принадлежит к числу тех людей, которых природа наделила геркулесовыми конечностями и энергией, соразмерной их телесной мощи. Его шаги, не столь быстрые, как у Шарля Дюпюи, но более упругие и широкие, сразу выдают человека, давно привыкшего к форсированным маршам. Как и первый путник, он одет в верхнюю одежду того же рода.

По длинному карабину у него на плече, охотничьему ножу, висящему на поясе, башмакам из оленьей кожи на крепких ногах и, наконец, шапке из лисьей шкуры, хвост которой свисает ему за плечи, в нём легко узнать лесного бродягу.

В его лице нет ничего необыкновенного, кроме разве что глаз, которые постоянно движутся и словно стараются различить всё во мраке ночи.

Этот человек, которому немного за пятьдесят, служит молодому дворянину, всюду сопровождает его и сам посвятил его в тайны девственных лесов Канады. В молодости он был моряком и сохранил некоторый отпечаток языка и представлений, свойственных людям его сословия.

— Тысяча громов, господин Шарль! — воскликнул он после довольно долгого молчания, царившего между двумя путниками, — я начинаю думать про себя, что нам уже пора добраться до места. Несмотря на ту капельку, которой вы меня недавно угостили, этот проклятый холод грозит завладеть всем моим телом.

— Полно, Тома, неужели ты жалуешься на холод, — ответил молодой человек, — ты, старый лесной бродяга!

— Ей-богу, господин Шарль, именно потому, что я старею, холод и пробирает меня сильнее. В ваши годы кровь горяча, но стоит перевалить за пятьдесят, как она остывает, и…

— Ну, ну, потерпи немного, старина, — продолжал Шарль, — скоро мы будем у господина де Сент-Элена, где нас, надеюсь, хорошо примут.

— Довольно, господин Шарль, сажаю свой язык под арест.

Пройдя около четверти часа, они оказались перед длинным низким одноэтажным домом. Судя по множеству огней, видневшихся снаружи, в этом жилище должно было собраться большое общество, а принадлежало оно не кому иному, как господину Ле Муану де Сент-Элену.

— Вот мы и пришли, — сказал Шарль своему спутнику, — войдём, и забудь о дорожных тяготах, ибо гостеприимство, которое мы здесь встретим, вознаградит нас за них сполна.

И оба вошли: сперва они очутились на кухне, где слуги стояли вокруг огромного очага. В очаге весело потрескивал огонь, который старый Тома, войдя, по-видимому, оценил по достоинству, ибо тотчас устроился рядом с гревшимися у него людьми, предоставив своему хозяину заботу представить их.

При появлении двух путников слуги поднялись со своих мест. Тогда Шарль Дюпюи подошёл к старшему из них, назвался и попросил проводить его к хозяину дома.

Слуга поклонился и провёл его в большую, довольно скудно обставленную залу, где находились господин де Сент-Элен и несколько дворян, которым предстояло участвовать в готовящейся экспедиции.

Пока происходило всё это, Тома Фурнье, сняв шубу, доставал из кармана короткую курительную трубку и заводил разговор с людьми на кухне.

Когда Шарль Дюпюи вошёл в комнату, где собрались гости господина де Сент-Элена, они сидели за столом и, казалось, добросовестно исполняли свой долг. Увидев вновь прибывшего, господин де Сент-Элен вышел ему навстречу, поздравил с благополучным путешествием и, представив друзьям, усадил рядом с собой.

— После такого перехода, какой вы только что совершили, — сказал он, — у вас, должно быть, разыгрался немалый аппетит; прошу разделить с нами нашу скромную трапезу.

Пока проголодавшийся путник без лишних уговоров принимает приглашение хозяина, да позволит нам читатель набросать портреты некоторых из присутствующих.

Господину Ле Муану де Сент-Элену, хозяину дома, было двадцать семь или двадцать восемь лет. Он был невысок ростом, но хорошо сложён. Его лицо отличалось открытым и весёлым выражением, и он не переставал забавлять гостей остротами и шутками, мишенью которых служили господа англичане. Именно ему предстояло стать первым лейтенантом господина де Мантэ, сидевшего по правую руку от него.

Последнему было около тридцати лет. Его резко очерченные черты выдавали гордый и решительный характер и сразу позволяли угадать человека, способного повелевать. Поскольку он говорил мало, а смеялся ещё реже, с первого взгляда можно было подумать, что он уже намерен пользоваться тем влиянием, которое должен был иметь на остальных собравшихся молодых людей.

Но никто из них, по-видимому, не обижался на это, ибо всем было известно, что после резни в Лашине, жертвами которой стали некоторые из его близких, он сохранял выражение мрачной печали. Он питал вечную ненависть к англичанам, которых считали зачинщиками резни, и решил отомстить им и ирокезам за смерть своих убитых родных.

Рядом с ним находился господин Ле Муан д'Ибервиль, тот самый, который годом ранее захватил два английских судна в Гудзоновом заливе и которому впоследствии предстояло прославиться морскими подвигами у Ньюфаундленда и в Луизиане.

Далее следовали господа Ле Бер дю Шен, де Монтиньи, Репантиньи и Буше, пожелавшие отправиться с господином де Мантэ добровольцами.

— Сколько человек в подкреплении, которое вы нам привели? — спросил господин де Мантэ Шарля Дюпюи.

— Тридцать вооружённых людей, — ответил тот, — из них восемнадцать канадцев и двенадцать гуронов. Это совсем небольшой отряд бойцов, но все они полны решимости и горят желанием вступить в бой.

— Как далеко они от города?

— Они разбили лагерь в пяти милях отсюда и присоединятся к нам завтра утром. Я отправился вперёд вместе со своим слугой, чтобы сообщить вам необходимые подробности и получить ваши приказания, ибо, насколько мне известно, мы выступаем послезавтра.

Господин д'Айбу утвердительно кивнул и продолжил молча есть.

Когда трапеза закончилась, господин де Мантэ обвёл молодых людей взглядом, чтобы привлечь их внимание, и сказал:

— Господа, поскольку экспедиция, командование которой господин де Фронтенак поручает мне, таит в себе столько же возможностей потерпеть неудачу, сколько и добиться успеха, и вы вовсе не обязаны в ней участвовать, я прошу вас серьёзно подумать, прежде чем присоединяться к нам.

Вы знаете не хуже меня, что нам придётся пройти несколько сотен миль через леса, посреди суровой зимы, ежеминутно рискуя подвергнуться нападению ирокезов, которых англичане (здесь он особо подчеркнул слово «англичане») непрестанно натравливают на нас.

Но если вы твёрдо решили объединиться с теми, кто желает отомстить за резню в Лашине таким громким ударом, чтобы наши соседи ещё некоторое время его помнили, пообещайте мне, господа, что, несмотря на добровольное участие в походе, вы будете повиноваться моим приказам.

Ибо вы, как и я, понимаете, чего стоит дисциплина, когда против нас и холод, и всяческие лишения, и такие враги, как ирокезы, которые ползают под покровом ночи, крадутся, словно змеи, и внезапно набрасываются на тех, кого застают беззащитными. Итак, господа, согласны ли вы признавать мою власть над вами на протяжении всего похода?

— Да, — без колебания ответили все присутствующие.

— В таком случае, — продолжал господин де Мантэ, — будьте готовы выступить послезавтра, в пятницу. Вместе с тридцатью людьми, которых привёл нам господин Дюпюи, наш отряд будет насчитывать немногим более двухсот бойцов, в том числе девяносто восемь канадцев, несколько абенаков и сто двадцать гуронов.

Не знаю, не обманываю ли я себя, но мне кажется, что с таким числом людей, готовых преодолеть любые опасности и подчиняться приказам своего начальника, мы сумеем блистательно отомстить за прошлогоднюю катастрофу!

Затем, отведя Шарля Дюпюи в сторону, он спросил, не поручил ли ему господин де Фронтенак передать что-нибудь для него. Тогда молодой человек вручил ему письмо губернатора, содержавшее особые указания о мерах, которые следовало принять, и предосторожностях, которые необходимо было соблюсти для успеха экспедиции.

После оживлённой беседы, продолжавшейся некоторое время, и нескольких тостов за успех предприятия молодые дворяне разошлись, поспешив вернуться по домам.

Шарль Дюпюи и старый Тома остались гостями господина де Сент-Элена.

Перед тем как уснуть, Тома пришёл к мысли, что куда лучше лежать в тёплой постели, чем спать в палатке почти под открытым небом, как делали в это самое время его товарищи, оставшиеся позади.

## ГЛАВА ВТОРАЯ
## **ОТПРАВЛЕНИЕ**

С самого утра второго дня после событий, которые мы только что описали, в маленьком городе Монреале царило большое оживление.

Приближался час выступления, и заканчивались приготовления, которых требовали обстоятельства.

Воины-гуроны и абенаки в боевом облачении сновали во всех направлениях, встречаясь с канадскими солдатами.

Последние шли прощаться с родными, друзьями и молодыми невестами. С обеих сторон, конечно, проливались слёзы, но слабости никто не проявлял.

Во многих молодых людях даже с новой силой пробуждалась отвага, когда возлюбленная, стараясь скрыть слезу за улыбкой, говорила ему в тот миг, когда он целовал её на прощание: «Ступай, ты скоро вернёшься к нам, и по возвращении станешь в моих глазах ещё привлекательнее, ибо к тому времени ты уже сразишься за свою страну, которая сегодня нуждается в твоей службе».

О, сколь велика должна быть любовь человека к отечеству, чтобы мужество его не поколебалось, когда он, быть может, в последний раз сжимает руку любимого существа; когда видит, как крупные слёзы беззвучно катятся по побледневшим щекам девушки, которая велит ему идти туда, куда зовёт его долг; когда они оба говорят друг другу прощальные слова, которые могут оказаться последними навеки!

Но если велик героизм солдата, который, разорвав самые дорогие узы, устремляется на поле чести, то не меньше героизма и в девушке, которая ещё дрожащей от волнения рукой указывает ему таким образом путь долга.

Между тем небольшой отряд начал собираться около десяти часов на площади Пласд'Арм. Полчаса спустя все уже стояли на своих местах, и господин д'Айбу явился произвести смотр перед выступлением. Почти всё население собралось на площади, чтобы присутствовать при отправлении этих героических людей, готовых пожертвовать собой ради соотечественников.

Впереди шли канадцы. Все они были молоды, за исключением нашего знакомого Тома Фурнье. Именно ему предстояло служить проводником, поскольку он неоднократно, во время охоты, проходил леса, простиравшиеся тогда от реки Святого Лаврентия до середины Нью-Йорка, и потому знал местность и сам вызвался вести экспедицию.

Каждый человек, помимо оружия и боеприпасов, имел пару снегоступов. В арьергарде находилось около тридцати человек, на которых была возложена исключительно забота о съестных припасах. Командование было разделено между молодыми дворянами, с которыми мы познакомились в доме господина де Сент-Элена.

За канадцами следовал небольшой отряд абенаков, затем воины-гуроны под начальством своего вождя Чёрного Орла. Все они были украшены воинскими знаками отличия. На поясах у них висели томагавки и скальпы, снятые с врагов. Некоторые из них имели огнестрельное оружие, но большинство носило оружие предков, то есть лук, стрелы и копьё.

Когда все заняли свои места, господин д'Айбу де Мантэ потребовал тишины и обратился к ним с такими словами:

«Канадцы и союзные воины,

«Почти одна и та же причина собрала нас сегодня вместе. Для вас, канадцы, это кровь ваших родных и друзей, зарезанных в прошлом году. Для вас, гуроны, это тени ваших предков, взывающие к мести из глубины могил, куда их низвёл ирокезский топор. Мы идём сражаться против трусливых подстрекателей ирокезов, против англичан.

Они считают нас слабыми и робкими в нашей собственной стране и даже не помышляют, что мы осмелимся напасть на них в их поселениях. Несколько сотен миль пути в самую суровую зимнюю пору представляются им непреодолимым препятствием. И даже если бы им сказали, что мы снарядили против них экспедицию, они продолжали бы спокойно спать.

Что ж, пусть спят, пока наш боевой клич не раздастся у их дверей! О, горе тогда, горе тем, кто встретится нам на пути! Мы не станем щадить их, как они не щадили нас, и заставим их дорого заплатить за кровь, пролить которую они столь подло и жестоко заставили.

«Но если мы хотим, чтобы наши враги проливали кровавые слёзы в наказание за причинённые нам бедствия, будем едины и нанесём все наши удары сообща по общему врагу. Затем мы радостно вернёмся к тем, с кем должны сегодня расстаться, и обеспечим колонии некоторое время передышки, мира и счастья».

На его слова ответили одобрительные возгласы всех присутствующих.

Если господин де Мантэ так настойчиво говорил о единстве, которое должно царить между союзниками, то потому, что он давно знал дикарей и прекрасно представлял себе, насколько можно положиться на постоянство гуронских воинов. Возможно, у него даже были предчувствия на этот счёт; дальнейшие события покажут, сбылись ли его предвидения.

Был подан сигнал к выступлению, и небольшой отряд двинулся в путь, сопровождаемый до выхода из города жителями, чей восторг доказывал, как глубоко трогал их героизм братьев.

Пока союзники проходили через городские ворота, Тома Фурнье подошёл к своему хозяину и заговорил вполголоса:

— Непременно, господин Шарль, — сказал он, — нас постигнет несчастье во время этого похода.

— Это ещё почему, птица недобрая? — отозвался молодой человек.

— Да потому, господин Шарль, что сегодня пятница, а редко какое важное дело благополучно заканчивается, если начать его в пятницу.

Шарль посмеялся над этими суеверными словами, а старый Тома отошёл, ворча: «Ей-богу, эта молодёжь ни во что не верит. А мне что-то подсказывает, что с нами случится беда. Когда мой бедный покойный отец (да смилуется Господь над его душой) утонул, он отправился на своей рыбацкой лодке в пятницу. И мой дядя Пьер… и мой двоюродный брат Батист… и…»

И он продолжал перечислять своих родственников по прямой и боковым линиям, которым выпало несчастье умереть в пятницу.

Между тем господин де Мантэ и его люди покинули Монреаль и быстро удалялись от него. Пока юные солдаты ещё видели город, каждый время от времени оборачивался к месту своего рождения, где оставались дорогие ему люди, горевавшие ещё сильнее, чем он сам. Ибо разлука причиняет тем, кто остаётся дома, более жестокую боль, чем солдатам, покидающим родные места ради сражений.

Но когда последние дома скрылись вдали и взоры канадцев уже ничего не различали в том месте, куда многим из них, увы, не суждено было вернуться, они загнали свои мысли в глубину сердца, и французская весёлость вновь взяла верх.

Пока остальные разговаривали и хохотали во всё горло, лишь двое мужчин хранили молчание и казались погружёнными в заботы. Однако эти двое вовсе не были трусами. Первым был господин де Мантэ, который размышлял обо всей возложенной на него ответственности и о том, какие меры следует принять, чтобы оправдать мнение, сложившееся о нём у тех, кто поставил его во главе людей, посвятивших себя общему делу.

Вторым был не кто иной, как Тома Фурнье, который никак не мог примириться с мыслью, что выступили они «в пятницу».

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

## **РЫСЬ**

Немногим более недели спустя после выступления господина де Мантэ и его людей, вечером пятого февраля, двое мужчин, закутанных в бизоньи шкуры, сидели у подножия скалы, защищавшей их от ледяного ветра, под которым склонялись верхушки лесных сосен. Они могли находиться примерно в тридцати милях к северу от Скенектади и в одной миле от реки Гудзон. Оба молча курили и, казалось, почти не обращали внимания на бурю, завывавшую в лесу.

Отсутствие костра в такую ночь указывает на то, что эти двое заинтересованы в том, чтобы никто не догадался об их присутствии здесь. Оба они дикари и принадлежат к племени агнье, входящему в ирокезскую конфедерацию.

Первому из них от двадцати пяти до тридцати лет, и лицо его принадлежит к тем лицам, на которых отпечатались хитрость, отвага и самые свирепые страсти. Его мрачный взгляд, напряжённые черты и гневные восклицания, которые он то и дело испускает, показывают, что настроение у него далеко не весёлое и что он замышляет втайне какой-то удар.

Это Рысь, самый могущественный вождь агнье.

Второй, брат первого, моложе его. Выражение лица Хитрого Лиса — так его зовут — вполне оправдывает данное ему прозвище. Его лукавое лицо спокойнее, чем у Рыси, и кажется, что в эту минуту его занимают только клубы табачного дыма, которые он вытягивает из своей трубки и провожает взглядом.

Так прошёл целый час с тех пор, как они прибыли туда, где мы их застаём, причём ни один из них не заговорил с другим: наконец Рысь, только что выкуривший третью трубку, поднялся и окинул взглядом равнину, простиравшуюся вдали перед ним.

Снежные вихри, гонимые порывистым ветром, хлестали по вершинам немногих деревьев, росших в этом месте, а их ветви, сильно раскачиваемые бурей, издавали зловещий шум.

Вождь агнье, казалось, находил удовольствие в созерцании опустошений, произведённых бурей. Грудь его расширялась, и при каждом порыве урагана он шумно вдыхал воздух, словно хотел призвать к себе всю ярость разбушевавшихся ветров. Простояв некоторое время неподвижно, он подал знак Хитрому Лису, и тот тоже поднялся.

— Пусть мой брат посмотрит, — сказал Рысь и протянул руку в сторону реки Гудзон. — Что видит мой брат? — спросил он после нескольких мгновений молчания.

— Огни, теряющиеся в ночной темноте, — ответил другой.

— Много ли их?

— Я насчитываю столько же, сколько дней проходит от одного новолуния до другого.

— У моего брата орлиное зрение, — продолжал Рысь и, раскуривая четвёртую трубку, уселся.

Выкурив её содержимое, на что ушло добрых четверть часа, он вытряхнул ещё горячую золу и положил трубку возле себя на бизонью шкуру.

— Пусть мой брат слушает, — сказал он Хитрому Лису.

— Мои уши так же внимательны, как уши девушки, когда воин признаётся ей в любви.

— Знает ли Хитрый Лис, зачем я привёл его сюда?

Тот отрицательно покачал головой.

— Знает ли мой брат, какой народ разжёг костры, что он видит неподалёку отсюда?

Хитрый Лис ответил тем же.

— Через мгновение мой брат узнает всё это. Пусть только скажет мне, помнит ли он Майский Цветок.

— Девушку с лазурными глазами, чей голос был для слуха Рыси столь же сладостен, как голос соловья на заре, и которую убил один из бледнолицых канадцев?

— Её самую, — ответил Рысь, и челюсти его сжались, а глаза сверкнули невыразимой ненавистью. Мой брат знает, как я любил Майский Цветок. Ради неё я пожертвовал бы всем; я даже оставил бы веру и обычаи предков ради веры и обычаев бледнолицых, если бы она меня об этом попросила.

Так вот, мой брат знает, что за несколько дней до того, как она должна была соединиться с Рысью и поселиться в его вигваме, её лишил жизни бледнолицый, который вместе с несколькими другими белыми людьми из Канады напал на нашу деревню. С того дня, когда Майский Цветок предали земле, сердце Рыси оделось в траур, а улыбка покинула его губы.

Но мой брат не знает, что могущественный колдун нашего племени рассказал мне, будто ему явилась тень Майского Цветка и потребовала отомстить бледнолицым. Она сказала ему, что военный отряд белых людей из Канады намеревается напасть на своих соседей и врагов, тоже бледнолицых, и что на первых должна обрушиться месть Рыси.

Узнав это, я привёл с собой брата, чтобы мы вдвоём разведали численность врагов, на которых нападём, когда они будут возвращаться в свою страну. Чтобы застать их врасплох, лучше дождаться, пока они завершат свой поход. Ведь тогда, если они победят, то будут менее настороже, а если потерпят поражение, то станут отступать без всякого порядка. Впрочем, пусть бледнолицые терзают друг друга, словно голодные волки; мы поделим их добычу.

Пусть мой брат следует за мной!

Произнеся эти слова, оба брата направились к лагерю канадцев.

Последние, утомлённые более чем пятнадцатидневным переходом через леса и бесчисленными лишениями, которые были неизменными спутниками войн того времени, разбили лагерь посреди елового леса и крепко спали. Лишь несколько часовых, расставленных по лагерю, бодрствовали, охраняя безопасность остальных.

Среди караульных находился Тома Фурнье. Опираясь обеими руками на ствол ружья и устремив взгляд в землю, он казался нечувствительным к шуму бури и силе ветра, который с зловещим воем врывался на поляну.

Уже более часа он был погружён в глубокие размышления, когда вдруг резко поднял голову. До его слуха донёсся треск сломанной ветки.

Он огляделся: кругом было спокойно, а его товарищ по караулу, стоявший в нескольких шагах, по-видимому, не услышал ничего, что могло бы привлечь его внимание, поскольку по-прежнему небрежно опирался на своё оружие.

Охотник вновь принял прежнюю позу, хотя и не забывал время от времени бросать вокруг себя пристальный, испытующий взгляд.

Вдруг, вскинув ружьё с быстротой мысли, он выстрелил в тень, которую только что заметил шагах в тридцати от себя.

На выстрел ответил крик боли, всполошивший весь лагерь. В сопровождении примерно двадцати человек Тома бросился в ту сторону, куда стрелял.

Вскоре на снегу показался кровавый след.

— Дичь подстрелена и далеко не уйдёт, — воскликнул он, — вперёд!

И все побежали туда, куда вела полоса крови.

Это была кровь не кого иного, как Хитрого Лиса, которому пуля пробила грудь навылет. Рысь взвалил раненого на плечи и бежал с этой ношей.

Но, услышав приближающиеся крики врагов, он опустил Хитрого Лиса на снег и воскликнул:

«Брат, сойди с миром на равнины Великого Духа. Если бы мне не предстояло совершить ещё одну месть, я защищал бы тебя до самой смерти от этих бледнолицых псов. Но я должен жить, чтобы отомстить за Майский Цветок и за тебя, мой брат!»

Преследователи находились уже всего в пятидесяти шагах от Рыси.

По беглецу произвели несколько выстрелов, на которые он ответил вызывающим криком, и исчез в снежном вихре у опушки леса. Прекратив ставшую бесполезной погоню, канадцы остановились возле Хитрого Лиса, которого сотрясали последние предсмертные судороги.

Один из находившихся там гуронов наклонился над умирающим и принялся снимать с него скальп.

Канадцы с отвращением отвернулись и направились обратно в лагерь.

— Я очень удивлюсь, — говорил себе старый Тома, — если на обратном пути за нами не увяжется какая-нибудь шайка этих проклятых ирокезов. Ах, если бы мы только не выступили «в пятницу»!

## ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

### ГЛАВА ПЕРВАЯ

### ГОСПОДИН ДЕ МАНТЭ ВЫНУЖДЕН ИЗМЕНИТЬ СВОЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЛАН

Мы вновь встречаем канадцев вечером восьмого февраля в лесу, в двух милях от Скенектади. Никто из местных жителей не подозревал об их присутствии здесь, настолько хорошо были приняты меры предосторожности этими искателями приключений.

Правда, в штате Нью-Йорк ходили кое-какие слухи о готовящейся экспедиции; но над этим предприятием смеялись, считая, что оно всё ещё существует лишь в замыслах.

— Если эти бешеные французы, — говорили там, — вздумают напасть на нас, холод, трудности и продолжительность пути через леса одолеют их прежде, чем они пройдут хотя бы половину расстояния, отделяющего наши поселения от их поселений.

Поэтому в Скенектади никто тогда и не догадывался, что «бешеные французы» расположились лагерем всего в двух милях от маленького города.

Ночные тени уже начинали густеть и разливаться над их головами, когда канадцы остановились.

Поскольку господин де Мантэ намеревался напасть на Олбани следующей ночью, прежде чем разойдётся весть о его прибытии, он решил дать своим людям лишь несколько часов

отдыха. Таким образом, он мог бы ночью пройти через Скенектади и остаться незамеченным жителями этого города.

Канадцы остановились всего полчаса назад, когда Чёрный Орёл, вождь союзных гуронов, направился к хижине, где господин де Мантэ отдыхал несколько мгновений.

Увидев гурона, дворянин почувствовал некоторое беспокойство, отразившееся на его лице. Он предчувствовал, что из их разговора выйдет что-нибудь неприятное. Ибо в последние несколько дней он замечал у союзников сильную нерешительность: по мере продвижения вперёд они понемногу теряли воодушевление, которое проявляли при выступлении.

— Мой белый брат устал? — спросил Чёрный Орёл господина де Мантэ.

— Не настолько, насколько, по-видимому, думает мой брат Чёрный Орёл, — ответил господин де Мантэ и знаком предложил вождю сесть.

— Я пришёл просить вас, — продолжал первый собеседник после нескольких мгновений молчания, довольно тягостного для них обоих, — собрать совет из белых начальников и тех людей моего отряда, которых я выберу. Мне нужно сообщить нечто важное моим бледнолицым братьям.

— Хорошо! — ответил господин де Мантэ совершенно спокойно; — ступайте, соберите на совет тех людей вашего народа, кого сочтёте нужным привести, а я предупрежу своих офицеров.

Индеец поспешно вышел из хижины.

Четверть часа спустя около дюжины гуронов и все канадские офицеры собрались вокруг костра, разведённого в стороне от лагеря. Тома Фурнье как проводник тоже присутствовал. Когда все собрались, торжественно раскурили трубку, из которой каждому предстояло по очереди покурить, прежде чем приступить к обсуждению вопроса. Ибо на индейском совете не обсуждали ничего важного, пока не выкурят трубку мира.

Это был обряд, которому волей-неволей приходилось подчиняться, хотя он несколько раздражал французов, предпочитавших сразу перейти к делу, вместо того чтобы по меньшей мере полчаса терпеливо ждать своей очереди курить из трубки, побывавшей во рту каждого присутствующего.

— Да скоро ли они закончат? — бормотал сквозь зубы Тома Фурнье, которому предстояло сделать последние затяжки из священного предмета. Словно нельзя побеседовать с друзьями, не прокурив перед этим полчаса. Шайка негодяев! Лица у них такие вытянутые, словно им отрезали уши; я-то, во всяком случае, ничего хорошего от этих скрытных людей не жду.

Он заканчивал эти не слишком доброжелательные размышления, когда к нему перешла трубка, вся покрытая следами губ тех, кто участвовал в обязательной церемонии прежде него. Не обращая внимания на ропот гуронов, наблюдавших за ним, он вытер чубук трубки обшлагом рукава и принялся с важным видом втягивать табачный дым, пока не выкурил табак до последней крошки.

Когда старый проводник закончил, Чёрный Орёл поднялся и, обратившись к господину де Мантэ, произнёс:

— Мой брат по-прежнему намерен напасть на Олбани?

— Более чем когда-либо, — ответил тот, к кому он обращался.

— Но неужели мой брат говорит серьёзно, когда заявляет, что хочет напасть на такой многолюдный город с таким малым числом людей?

Тут Тома Фурнье сделал весьма выразительную гримасу. Господин де Мантэ бросил на Чёрного Орла презрительный взгляд:

— Вождь, — сказал он ему, — мы пришли сюда не только для того, чтобы охотиться на зайцев и куропаток, как делали по дороге ради пропитания. Вы достаточно знаете французов, чтобы понимать, что они не из тех людей, которые отступают перед препятствиями, и, приняв решение, идут прямо к цели, не считаясь с опасностями.

— Я знаю, что бледнолицые храбры, — продолжал индеец, — но мои братья ещё молоды; их волосы не побелели, как мои, на тропе войны, и…

— Итак, — перебил его господин де Мантэ, у которого закипала кровь и который прекрасно понимал, к чему клонит гурон, — вы не одобряете нашего намерения напасть на Олбани, хотя при выступлении оно вам так нравилось?

— Мой брат молод, и кровь у него горяча; будь у него больше опыта, он не терял бы терпения так быстро.

Французский командир прикусил губы до крови, услышав этот нелестный комплимент в присутствии своих офицеров.

Во время молчания, наступившего после этих слов, на лицах индейцев не отражалось никаких чувств. Напротив, молодые канадцы уже начинали терять терпение.

Тома Фурнье, только что раскуривший трубку, говорил себе, что дело начинает принимать дурной оборот. Возможно, он думал также о том, что они выступили «в пятницу».

Господин де Мантэ первым возобновил прерванный на мгновение разговор.

— Значит, вы жалеете, — спросил он, — что пошли с нами?

— Мои белые братья знают, — ответил вождь, — что народ гуронов всегда был верным союзником бледнолицых из Канады. Пусть же мой брат не думает, будто мы проявляем трусость или предательство, когда считаем безрассудным нападение на город, к которому он хочет нас повести. Если сегодня мы не одобряем того, что ещё несколько дней назад считали хорошим, то лишь потому, что сегодня знаем то, чего тогда не знали.

Усталость уменьшает силы, и отвага уходит, когда приходит слабость. Между тем мой брат, должно быть, заметил, что люди нашего военного отряда изнурены усталостью. Как же осмелиться напасть на несколько тысяч человек с небольшим числом воинов, чьи силы истощены всевозможными лишениями, которые мы испытали во время перехода через великие леса?

— Значит, вы нас покидаете? — воскликнул он.

— Мой брат опять ошибается. Мы только думаем, что лучше ограничиться нападением на селение, огни которого видим отсюда. Мы ворвёмся в него уже этой ночью, если наши братья того пожелают.

Эти слова встретил неодобрительный ропот канадцев. Господин де Мантэ остановил его одним взглядом и попросил вождя позволить ему ненадолго посовещаться со своими офицерами, на что индеец тотчас согласился, скривив губы в улыбке.

Канадцы были вне себя от досады: внезапное и неожиданное решение Чёрного Орла разрушило их надежду нанести врагам сильный удар. В первый миг возбуждения они хотели совершенно порвать с союзниками и идти на Олбани одни.

Но их командир, лучше владевший собой и потому способный трезвее судить о положении дел, объяснил им, что всё же лучше принять предложение союзников, чем потерять всё из-за чрезмерной поспешности и отваги.

— Раз нам приходится ограничиться, — говорил он, — нападением на селение вместо города, мы возместим эту разницу более кровавой расправой. Жители Корлара (так французы называли Скенектади) заплатят вдвойне за жителей Олбани.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.